

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 81'42(045)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460>

Поступила в редакцию 12.03.2019
Received 12.03.2019

Н. В. Зиневич

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

**НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАТЕГОРИЙ МОДУСА И МОДАЛЬНОСТИ**

Аннотация. Целью настоящей статьи является разграничение смежных категорий модуса и модальности с последующим выявлением специфики их взаимодействия в научном дискурсе. Во введении доказывается теоретическая и практическая целесообразность изучения языковых категорий с антропоцентрических позиций. Основная часть предваряется рассмотрением базовых концепций модальности, в результате чего уточняется смысловой объем данной категории и выбирается наиболее оптимальный в контексте данного исследования подход. В дальнейшем сопоставляются определения, категориальный статус, особенности функционирования и средства языковой реализации модальности и модуса, что позволяет сделать вывод о существенных отличиях данных категорий и необходимости их последовательного разграничения. Как показал практический анализ, в научном дискурсе на английском и белорусском языках доминирует категория модуса в трех разновидностях (познание, мнение, коммуникация) с абсолютным преобладанием показателей познания. Последующее исследование отношений между категориями модуса и модальности выявило основные модели взаимодействия их поверхностных маркеров, которые по степени формально-смысловой зависимости друг от друга ранжируются от обособленного использования (*исключение*) до полного пересечения (*наложение*). Между этими двумя полюсами находятся модели *размежевания* и *включения*, предполагающие одновременное нахождение в высказывании индикаторов модуса и модальности. Сопоставительный анализ подтвердил универсальный характер модуса и модальности, основных моделей их взаимодействия и общих тенденций употребления. Также была установлена лингвокультурная специфика, проявляющаяся в предпочтении модализировать различные типы модусов и использовать особые средства выражения модальности. В заключении статьи полученные результаты объясняются действием комплекса специфических экстралингвистических факторов – коммуникативной ситуацией, а также типовыми особенностями и интенциями ее участников.

Ключевые слова: языковая категория, модусная категория, модус, модальность, научный дискурс

Для цитирования: Зиневич, Н. В. Научный дискурс в аспекте взаимодействия категорий модуса и модальности / Н. В. Зиневич // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 451–460. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460>

Nadzeya V. Zinevich

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

**SCIENTIFIC DISCOURSE FROM THE ASPECT OF INTERACTION BETWEEN
THE CATEGORIES OF MODUS AND MODALITY**

Abstract. The paper explores the correlation between the universal categories of modus and modality in scientific discourse. It is claimed that the two categories demonstrate different ontological nature and, consequently, should be treated separately. In this light the domain of modality needs to be reduced to the expression of truth value, while the functional potential of modus will include all the other ways in which the speaker assesses his/her utterance. Hence, it's more expedient to characterize modality as a functional-semantic category, with modus assuming communicative-pragmatic dimensions. It has been revealed that in scientific discourse there is absolute domination of modus, which can be attributed to the unique nature of communication in this field. The category of modality, in its turn, has a limited application and is mostly restricted to combinations with different modi. Further investigation has found out that English and Belarusian scientific discourses share their major modus-modality characteristics but differ in terms of modi their authors prefer to modalize and concrete language means used for the purpose.

Keywords: linguistic category, modus-centered category, modus, modality, scientific discourse

For citation: Zinevich N. V. Scientific discourse from the aspect of interaction between the categories of modus and modality. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 451–460 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-451-460>

Многовековой интерес науки к познанию человека во всех его возможных проявлениях с неизбежностью привел лингвистику к антропоцентрической исследовательской парадигме, диктующей необходимость изучения человеческого фактора, предстающего сквозь призму языка. Вполне закономерно, таким образом, пристальное внимание специалистов к универсальным языковым категориям, отражающим различные аспекты проявления участников коммуникации в их речевой деятельности. Среди таких *модусных* (сосредоточенных на человеке) категорий можно выделить как достаточно традиционные (модус, модальность, оценочность, экспрессивность, эмотивность и т. д.), так и относительно новые в исследовательском отношении (авторизованность, субъектность, персуазивность, стратегичность и др.) [1]. В качестве перспективы современных разработок, таким образом, можно представить не только дальнейшее изучение данных категорий и выявление новых, но и установление особенностей их взаимодействия в конкретном языковом материале. Ввиду универсального характера модусных категорий особый интерес представляет их сопоставительный анализ в разноструктурных языках с последующим выявлением лингвокультурной специфики. Полученные результаты могут быть использованы в профессиональной деятельности специалистов по межкультурной коммуникации, в лингводидактической практике, а также при оптимизации программного обеспечения, ориентированного на поиск мнений в текстах различной жанрово-дискурсивной направленности.

Целью данного исследования является установление соотношения между языковыми категориями модуса и модальности с последующим определением их границ и зон пересечения в научном дискурсе.

Основные подходы к определению и типологизации категории модальности. В литературе неоднократно говорилось о сложной природе модальности, в связи с чем отмечались многочисленные противоречия как в определениях, так и в типологизациях отдельных модальных значений [2–4 и др.]. В настоящем исследовании внимание будет сосредоточено на трех наиболее показательных лингвистических концепциях модальности, освещение которых может пролить свет на характер ее взаимодействия со смежной категорией модуса.

Прежде всего обратимся к традиционному подходу, согласно которому модальность определяется как категория, «выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [5, с. 303]. Как можно заметить, в фокусе обеих частей традиционного определения находится понятие «отношения», которое, по-видимому, является общим компонентом, позволяющим объединить отдельные разновидности модальности в рамках цельной языковой категории.

Несмотря на широкую распространенность и долгую традицию использования, классическое понимание модальности не лишено ряда серьезных недостатков, среди которых важнейшим является его практически неограниченный концептуальный объем. Так, ввиду неоднозначности ключевого для модальности понятия «отношение» среди показателей модальности отмечались такие разнородные языковые сущности, как коммуникативные типы предложений (сообщение, побуждение, вопрос, восклицание [6, с. 55], утвердительные и отрицательные предложения [7, с. 233] и т. д.

Кроме того, при введении эксплицитной поправки в определении модальности на точку зрения говорящего любое модальное значение по умолчанию приобретает характер субъективной отмеченности. Данный факт в свою очередь может приводить к новым трудностям. Во-первых, возникает вопрос об отграничении модальности от других категорий субъективного плана, также передающих то или иное отношение говорящего к высказыванию – модуса, оценочности, эмотивности, аппроксимации, отрицания, персуазивности и др. [1, с. 91]. Во-вторых, акцент на позиции говорящего представляет известную методологическую сложность для традиционного разделения модальности на «субъективную» и «объективную».

Изначально понятие «объективной» модальности было введено для обозначения «отношения высказывания к действительности», при этом отношение далее конкретизировалось в терминах его реальности, нереальности и потенциальности. Тем самым в основе объективного модального значения постулировалось «описание альтернативных путей развития событий, заложенных в самой действительности» [8, с. 240]. Соответственно, такая модальность считалась важной составляющей семантики пропозиционального компонента предложения, описывающей объективные (т. е. неконтролируемые говорящим) связи между субъектом и предикатом представленного в предложении положения дел. Отсюда следует, что объективная модальность является обязательным признаком любого предложения [5–6], а его показатели непосредственно входят внутрь пропозициональной синтаксической структуры, напрямую подчиняя ее предикат [8, с. 243]. Например: *Найкарацейшы па даўжыні СЛ (словаўтваральны ланцужок. – Н. З.) <...> максімальна можа мець у сваім складзе пяць паслядоўных кампанентаў-звёнаў* [І. Д., с. 82]. Поэтому закономерно, что объективная модальность также часто характеризовалась как онтологическая, внутренняя или внутрисинтаксическая [2, с. 63].

Однако выделение объективной модальности столкнулось с достаточно серьезной критикой: как следует из приведенного выше традиционного определения, ключевым пунктом определения модальности является точка зрения говорящего. Это значит, что любая модальность субъективна по своей природе, а выделение объективной модальности противоречит глубинной сути категории [4].

Перейдем далее к рассмотрению субкатегории субъективной модальности, выделение которой также не избежало критической реакции со стороны специалистов. Данное модальное значение опиралось на идею эксплицитного «отношения говорящего к сообщению», однако в силу неопределенности понятия «отношение» субъективно модальными считались самые разные смыслы – эмоционально-оценочные, степень достоверности высказывания, связь с предтекстом и т. д. [8, с. 240–242]. Так или иначе, ядром данной субкатегории всегда признавалась эпистемическая модальность, выражающая отношение говорящего к достоверности пропозиционального содержания [9, с. 125–126; 10, с. 71]: <...> *відавочна, што за тэрміналагічнай разнастайнасцю <...> хаваецца агульнае для ўсіх імкненне да пошуку пэўнага абстрактнага шаблону <...>* [Т. Ш., с. 109].

Существенным формальным отличием субъективной модальности от объективной является «наружное» по отношению к пропозиции положение модальных показателей, в связи с чем такая модальность характеризуется как «внешняя» или «внешнесинтаксическая» [2, с. 63].

Несостоятельность традиционного разделения на «субъективные» и «объективные» модальные значения подчеркивает А. В. Зеленщиков при анализе категориального статуса модальности. Так, автор полагает, что различия между данными семантическими «зонами» настолько существенны, что не позволяют привести их к общему смысловому знаменателю и, как результат, исследователь приходит к выводу, что классическая трактовка по сути не содержит интегральных признаков, позволяющих отнести модальность к языковым категориям [2, с. 66].

Перейдем далее к рассмотрению более узкой концепции модальности, которая стала закономерной реакцией на ограничения традиционного подхода. В попытке избежать многочисленных противоречий и доказать категориальную природу модальности А. В. Зеленщиков отказывается от чересчур широких и потому неопределенных понятий «отношения», «субъективности», «объективности», предлагая в качестве объединяющего признака для категории модальности «характеристику содержания предложения с точки зрения принадлежности описываемой ситуации действительному миру» [2, с. 73]. При этом такая принадлежность рассматривается как оппозиция «реальности/ирреальности» с точки зрения личной пропозициональной установки говорящего.

Таким образом, данное уточненное определение модальности в значительной степени снимает неоднозначность традиционного подхода, сужая чересчур широкое понятие «отношения» до его эпистемической (познавательной) разновидности. Тем самым четкость узких определений модальности, в частности, определения, предложенного А. В. Зеленщиковым, в первую очередь достигается за счет серьезного усечения их концептуального объема. При этом за пределами мо-

дальности остаются многие виды «субъективного» отношения говорящего к сообщению, например, эмотивность и оценочность.

Еще одной попыткой преодоления трудностей выделения и разграничения модальных смыслов является максимально расширительное толкование модальности, согласно которому к данной категории исследователи относят практически все возможные способы оценки сообщаемого с точки зрения говорящего: субъективно-кваликативные, коммуникативные, актуализационные, метаязыковые, утверждение/отрицание и т. д. При этом важно, что субъективная отмеченность по умолчанию признается исходным интегральным компонентом модальности как особой категории [3–4].

Оценивая рассмотренные выше подходы к определению модальности, можно сделать предположение о практической целесообразности более узких трактовок. В частности, достаточно убедительной представляется точка зрения А. В. Зеленщикова, предлагающего ограничить смысловое пространство модальности оценкой истинностного значения пропозиции относительно концептосферы говорящего субъекта. Более широкие толкования модальности, хотя и согласуются со сложившимися исследовательскими и лингводидактическими традициями, отличаются значительной долей неопределенности своего наполнения. Кроме того, при расширенном определении модальность в значительной степени пересекается с другими устоявшимися в лингвистике категориями (в частности, *модусом*), что может в конечном счете вызвать проблему размытия терминологических границ и нежелательной многозначности концептуального аппарата.

Модус как особая лингвистическая категория. В отличие от плюрализма позиций, присущего определениям модальности, исследования смежной категории модуса характеризуются единообразием исходных предпосылок и значительной общностью методологической базы. Как представляется, одной из основных причин научно-теоретического консенсуса в данном вопросе стали достаточно четкие формально-содержательные критерии выделения модуса. Более того, само по себе выделение модусного и диктумного компонентов изначально являлось частью инструментария для анализа содержательной структуры высказывания, по определению требующего известной точности и «осязаемости». Также серьезным фактором в стимулировании единомыслия относительно природы модуса мог стать авторитет его основоположника – французского исследователя Ш. Балли, во многом опиравшегося на прочно укрепившиеся в лингвистике идеи средневековых модистов [3, с. 141].

Таким образом, Ш. Балли выступал за четкое противопоставление в предложении, с одной стороны, мысли, т. е. «представления, воспринятого чувствами, памятью или воображением» (диктума) и, с другой стороны, «производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операцией» (модуса) [11, с. 44]. Иначе говоря, основное назначение диктума состояло в отражении некоторой объективной ситуаций окружающей действительности, а центральной характеристикой модуса признавалась его субъективность, предполагающая указание на «все возможные формы участия говорящего в сообщении» [3, с. 17]: *Приведзенае даследаванне засведчыла, што старабеларуская дзелавага фразеалогія ўяўляе сабой цікавы і плённы матэрыял для будучых распрацовак <...>* [Н. П., с. 115]. Уточняя данную формулировку, Н. К. Рябцева определяет основную функцию модуса как воплощение того или иного отношения субъекта к диктуму [12, с. 51].

Поскольку модус и диктум всегда дополняют и взаимно обуславливают друг друга, Ш. Балли утверждал, что модус – это «душа предложения» и без него невозможен анализ сентенциальной семантики [11, с. 44]. Тем самым в качестве исходной методологической предпосылки подхода постулировалась обязательность (или выводимость) модуса в структуре любого высказывания.

Таким образом, краткий обзор категорий модуса и модальности позволяет убедиться в том, что между ними имеются значительные зоны пересечения, к обсуждению которых мы и перейдем далее.

Соотношение категорий модуса и модальности. Наиболее ярко смежность между модусом и модальностью прослеживается в их определениях и категориальном статусе. Так, во-первых, обе категории являются универсальными. Во-вторых, они выполняют актуализационную функ-

цию, способствуя переводу фактов языка в речь. Однако наиболее важной чертой сходства является фундаментальная опора данных категорий на понятие *отношения*, источником которого признается говорящий субъект.

Вместе с тем нельзя утверждать, что модус и модальность абсолютно синонимичны. В первую очередь это доказывается несоответствием их концептуальных объемов. Минимальные отличия в данном отношении наблюдаются между модусом и модальностью в современном расширенном толковании, при котором любое проявление субъективного отношения говорящего в высказывании признается модальным/модусным [4].

Если же обратиться к традиционному видению модальности как единству ее субъективной и объективной разновидностей, то модусной отмеченностью будет характеризоваться только субъективная модальность, поскольку именно в ней непосредственно отражается рефлексивно-личностная квалификация сообщения. При этом «за бортом» остается не только модальность объективная, но и такие модусные смыслы, как метатекстовый (отношение к собственной речевой деятельности), фатический (отношение к адресату), авторизационный и, в значительной степени, коммуникативно-прагматический. Кроме того, при идентификации модуса и субъективной модальности неизбежно возникает вопрос о противоречии в их онтологическом статусе: если субъективная модальность традиционно признавалась конструктивно факультативной, то по Ш. Балли модус характеризуется как облигаторный компонент высказывания, который даже при отсутствии подлежит восстановлению.

И, наконец, в случае соотнесения модуса с модальностью в узком понимании (как, например, у А. В. Зеленщикова) зона их пересечения ограничивается еще больше и в основном сводится к эпистемической квалификации пропозиции по степени ее достоверности.

Таким образом, модус и модальность демонстрируют только незначительную область пересечения концептуальных объемов, признаваемую большинством специалистов (а именно отношение говорящего к высказыванию в терминах его достоверности). Также следует обратить внимание на различия функциональных особенностей данных категорий. Модус – это «специализированное понятие, которое связано как с грамматической модальностью, так и работой сознания вообще» [3, с. 111]. Отсюда, если для модальности достаточно указания на отношение как таковое, для модуса обязательна актуализация лица говорящего в самых различных формах его проявления [3, с. 141]. Помимо этого, как уже указывалось выше, модус – это в первую очередь аналитический конструкт для представления прагматически нагруженного компонента семантической структуры предложения, в то время как модальность – одна из его многих семантических характеристик. Отсюда целесообразно говорить о модальности как категории функционально-семантической [4], а о модусе – как категории коммуникативно-прагматической [13].

Сравнение онтологических характеристик модуса и модальности позволяет также сделать выводы относительно специфики их поверхностной реализации. Очевидно, что средства выражения данных категорий будут совпадать в эпистемической зоне, включая модальные слова и выражения, а также модальные глаголы со значением степени уверенности говорящего (*apparently, obviously, perhaps, can, may, might; магчыма, ясна, відавочна, на самой справе*). Отнесение оценочных прилагательных и наречий, стилистически отмеченных средств, интонации, а также средств экспрессивного синтаксиса к ядру общих средств зависит от того, причислять ли эмоционально-экспрессивные реакции к модальным смыслам. Понятно, что узкие концепции модальности в духе А. В. Зеленщикова будут их выносить за рамки категории и, как результат, ограничиваться эпистемическими показателями.

К сугубо модальным индикаторам будут относиться модальные глаголы, их эквиваленты, модальные предикативные прилагательные и наречия со значениями (не)возможности, долженствования и необходимости, чье основное назначение заключается в отражении характера объективных связей между субъектом и предикатом пропозиции, обусловленных внешними по отношению к субъекту речи условиями и находящимися вне зоны его контроля: *can, may, might, must, need, should, allow, enable, possible, essential; магчы, дазваляць, вымушаць, даваць магчы-масць, здольны, неабходны, можна, магчыма, патрэбна* и т. д. [14].

К чисто модусным показателям, в свою очередь, можно причислить глаголы пропозициональной установки (ментальные перформативы/модусные предикаты) со значениями восприятия (*observe, see, notice; бачыць, заўважаць, назіраць*), речемыслительной деятельности (*analyze, find out, conclude, mention; выяўляць, меркаваць, канставаць*), а также маркеры метатекста типа *in other terms, as previously mentioned; іншымі словамі, як ужо адзначалася вышэй*. Кроме того, специализированными модусными индикаторами можно считать союзы и средства связи, служащие для логического структурирования текста и указывающие на ход рассуждения автора (*furthermore, first(ly), however, on the one hand; аднак, па-першае, з аднаго боку, тым не менш* и т. д.) [15–17].

Обобщая сказанное, подчеркнем, что модус и модальность являются разными по своей природе и функциональной направленности категориями, зачастую требующими специфических средств языковой реализации.

Актуализация ментального модуса в научном дискурсе. Когнитивная сущность модуса не вызывает сомнений, поскольку его основная функция заключается в отражении сознания говорящего субъекта. При этом закономерно, что наиболее ярко интеллектуально-рассудочная природа модуса проявляется в научном дискурсе, изначально ориентированном на выработку и сообщение нового знания. Данное обстоятельство побудило исследователей квалифицировать модус научной коммуникации как *ментальный*, а его отдельные разновидности – как воплощение различных аспектов когнитивной деятельности говорящего субъекта [12, с. 52].

Анализ 100 научных статей на английском и белорусском языках показал, что ментальные модусы в данном жанре так или иначе отражают отдельные этапы производства научного знания и в соответствии с этим могут быть сгруппированы в следующие категории: модус познания, модус мнения, а также коммуникативный модус.

Модус познания воплощает различные фазы выработки научного знания, от постановки задачи до ее решения. Среди наиболее употребительных можно отметить следующие разновидности:

- наблюдение (*observe, see, notice; бачыць, відаць, зьяртаць увагу*);
- открытие нового знания (*determine, find (out), identify; вызначаць, выяўляць, знаходзіць*);
- ход рассуждения (*anyway, at the same time, finally, in particular; аднак, так, у сваю чаргу, з аднаго боку, прычым*);
- формулирование вывода (*to conclude, to conjecture, to infer, hence, thus; вынік, вывад, выснова, сігналізаваць (аб), значыць, таму, такім чынам*).

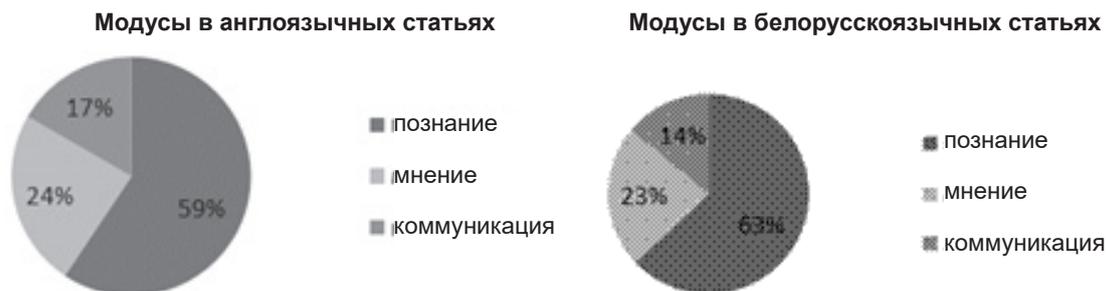
Мнение, в отличие от знания, не всегда может быть верифицировано. Соответствующие модусы могут быть представлены в научной статье следующими семантическими типами:

- степень достоверности сообщаемого (*to think, believe, consider, seem, appear, apparently, clearly, of course, perhaps; выказаць думку, меркаваць, лічыць, ясна, відавочна, на нашу думку*; а также модальные глаголы со значением степени уверенности (*can, could, may, might, must; магчы*);
- предпочтительный ракурс рассмотрения изучаемого объекта (*analyze smth (as), interpret smth (as), treat smth (as); разглядаць (як), разумець (як), трактаваць (як)*);
- оценка (*convincing, consistent, important; моцны, карысны, актыўны*).

Коммуникативный модус в свою очередь акцентирует процесс передачи научного знания, от его организации в тексте до непосредственной трансляции адресату, например:

- обобщающее повторение и резюмирование (*to recap, to sum up, to summarize; падсумоўваць, падагульняць*);
- сообщение полученных знаний (*argue, discuss, mention, show, demonstrate, point out, stress; казаць, канстатаваць, сцвярджаць, паказваць, падкрэсліваць*).

Как уже упоминалось выше, модус является одной из универсальных категорий, что подтверждается результатами настоящего анализа: как англо-, так и белорусскоязычный фактический материал демонстрирует его высокую употребительность (в 83,5% и 77% проанализированных высказываний соответственно). Более того, как следует из рисунка, показатели частотности отдельных типов модусов также указывают на значительное сходство.

Употребительность модусов в англо- и белорусскоязычных научных статьях
Frequency indices of modi in English and Belarusian scientific articles

Как представляется, значительное преобладание модусов познания в проанализированном материале напрямую связано с условиями и типовыми интенциями участников научной коммуникации. Так, автор статьи стремится не только сообщить информацию, но и оказать воздействие на узкую аудиторию специалистов, убеждая ее в обоснованности и правомерности полученных результатов. С этой целью адресант закономерно избегает субъективно отмеченных сигналов эмоционально-оценочного отношения, всячески подчеркивая объективный характер сообщаемых сведений. При этом автор вовсе не «уходит в тень», делая свое сообщение намеренно «надсубъектным», как это зачастую предполагалось ранее, но выбирает такие формы проявления собственной личности, которые сообразны коммуникативной ситуации. В частности, субъект речи в первую очередь стремится позиционировать себя как компетентного исследователя, владеющего методологией научного поиска и способами ее языковой актуализации.

Таким образом, можно утверждать, что предопределяющее влияние на модусный аспект научного дискурса оказывается не языковыми системами, а универсальными факторами экстралингвистического порядка, в частности, формой общественного сознания, типовыми интенциями адресанта, ожиданиями адресата, специфическими условиями протекания коммуникации и т. д.

Перейдем далее к рассмотрению различных форм взаимодействия категорий модуса и модальности в научном дискурсе.

Модели взаимодействия модуса и модальности. Очевидно, что первым необходимым условием для установления специфики взаимодействия категорий модуса и модальности является четкое разграничение их объемов. В рамках данного исследования предлагается придерживаться узкой концепции модальности, сводящей модальность к выражению истинностного значения пропозиции. Анализ фактического материала показал, что взаимодействие категорий модуса и модальности в таком понимании можно свести к четырем основным моделям:

1. **Исключение.** Данная модель предполагает наличие эксплицитных маркеров только одной из рассматриваемых категорий. В количественном отношении здесь значительно преобладают чисто модусные высказывания: их употребительность в англо- и белорусскоязычных статьях составляет 56% и 51% соответственно. Например: *Up to this point I have been examining the argumentative value of connectives <...>* ‘До настоящего момента я анализировал роль коннекторов в аргументации’ [J. R., p. 182]. Что касается единиц, содержащих только показатели модальности, то их было обнаружено 2,5% и 3% соответственно: *Паказчыкам наяўнасці ў дзеяслова эмацыянальна-ацэначнага зместу могуць служыць тры тыпы каранёвых марфем <...>* [Ю. М., с. 117].

Полученные результаты свидетельствуют, с одной стороны, об очевидной тенденции в дискурсе науки к подчеркиванию вклада автора в производство и сообщение нового знания. Благодаря регулярной экспликации модуса научный текст наделяется значительной долей коммуникативно-прагматической определенности, необходимой для усиления его воздействующего эффекта и адекватного декодирования сообщения адресантом. С другой стороны, достаточно невысокая частотность безмодусных модализированных высказываний может быть следствием несовместимости их основного значения потенциальности с семантикой определенности и завершенности, являющейся неотъемлемой чертой научной коммуникации.

2. **Наложение.** Как уже отмечалось, при любом подходе к модальности можно обнаружить зоны ее пересечения с категорией модуса. При этом большинство исследователей соглашаются, что в первую очередь это касается эпистемической модальности. Следовательно, такая модальность в значительной степени будет перекликаться с модусом мнения, чья основная функция заключается в передаче степени уверенности автора в сообщаемом: <...> *we believe it is time to start from the other end of the spectrum* <...> ‘Мы полагаем, что пора начинать с другой стороны спектра’ [J. C.].

С точки зрения плана выражения интересно то, что в научных текстах эпистемическая модальность (и соответствующая разновидность модуса мнения) преимущественно реализуются с помощью предикатов мнения и вводных выражений со значением степени достоверности. При этом здесь практически отсутствуют модальные глаголы (*can, could, may, might, must; магчы*) с соответствующей семантикой. Таким образом, можно сделать предположение о том, что в научной коммуникации прослеживается акцент на разделении «сфер влияния» различных языковых маркеров. При этом основная функция модальных глаголов сводится к указанию на характер объективных связей между предметом сообщения и предиктируемым ему признаком.

3. **Включение.** В научном дискурсе достаточно частотны случаи, когда модус и модальность объединяются в рамках единого формально-смыслового комплекса, что наблюдается в 21% и 18% англо- и белорусскоязычных высказываний соответственно: *Трэба адзначыць, што значэнне пераходнасці закладзена ў семантыцы дзеяслова* <...> [С. К., с. 105].

В обоих проанализированных языках наиболее активно «модализируются» модусы познания, однако в английском научном тексте это происходит несколько чаще (52% против 40%). Также англоязычные высказывания демонстрируют более высокую сочетаемость с модальными единицами модусов мнения (25% против 19%). В то же время в белорусском научном тексте несколько чаще модализируются коммуникативные модусы (22% против 17%) и, что заметнее, модусы мнения-оценки (19% против 6%).

В целом же можно сделать вывод о несколько более выраженном стремлении англоязычных авторов эксплицировать различные модальные нюансы собственной интеллектуально-рассудочной деятельности, в то время как белорусские ученые, по-видимому, в большей степени стремятся передавать модальные оттенки своих коммуникативно-оценочных действий.

Интересные закономерности можно также обнаружить при анализе конкретных средств языкового выражения модальности. Как известно, спектр модальных глаголов в белорусском языке значительно уже, чем в английском, и преимущественно сводится к глаголу *магчы*. Однако белорусский научный дискурс обнаруживает значительные компенсаторные возможности, делая акцент на таких модальных средствах, как предикативные наречия (*можна, (не)магчыма, трэба, неабходна, правамерна*) и периферийные модальные конструкции с каузативной семантикой (*даваць падставы (магчымасць), дазваляць, садзейнічаць*). Более того, значительное преобладание последних является отличительной особенностью белорусскоязычного текста: *Характар колераабазначэнняў у творах паэта дае падставы гаварыць пра пачуццёвае багацце таленту Ніла Гілевіча* [I. H., с. 107]. Отсюда можно сделать вывод о более выраженном стремлении белорусских авторов обосновывать сообщаемое знание путем конкретизации различных путей его достижения.

4. **Размежевание.** Наиболее редкой формой взаимодействия модуса и модальности является их одновременное присутствие в высказывании, при котором, в отличие от модели включения, они «разведены» между модусным и диктумным компонентами высказывания: <...> *we have seen that written texts of very different types can provide* <...> *information about the socio-historical distribution and use of these items* ‘Мы видели, что письменные тексты абсолютно разных типов могут давать информацию о социоисторической дистрибуции и использовании этих единиц’ [M. S., p. 164].

Низкая употребительность данной модели в обоих языках (6% и 8% в английском и белорусском соответственно), как и достаточно невысокое количество модализированных высказываний без эксплицитного модуса (2,5% и 3%), позволяют в целом говорить о невысокой степени модализации научного дискурса. В то же время проанализированный материал демонстрирует

значительную употребительность различных типов модусов, как в чистом виде, так и осложненных модальными единицами.

Заключение. Проведенное исследование, таким образом, доказывает правомерность разграничения категорий модуса и модальности. При этом модальность целесообразно рассматривать в первую очередь как категорию функционально-семантическую, чье основное назначение заключается в выражении отношения говорящего к сообщаемой пропозиции с точки зрения ее соответствия действительности. Модус в свою очередь ориентирован на квалификацию пропозиции путем установления ее места и статуса в когнитивно-коммуникативной деятельности говорящего. Таким образом, можно отметить, что модус является категорией коммуникативно-дискурсивной и напрямую участвует в создании дискурса в его обусловленности комплексом экстралингвистических факторов, важнейшими среди которых являются участники коммуникации и их типовые интенции.

Научный дискурс является преимущественной зоной влияния категории модуса, что связано с общими требованиями логичности, однозначности и эксплицитности в данной сфере коммуникации. Кроме того, регулярная экспликация модуса обладает мощным прагматическим эффектом в научном контексте, существенно повышающим его воздействующую силу.

Различия в онтологии модуса и модальности находят непосредственное отражение в поверхностной реализации, что можно проследить на примере таких моделей их взаимодействия, как *исключение* (присутствие в высказывании маркеров только одной категории) и *размежевание* (разведение показателей двух категорий по разным компонентам семантической структуры высказывания). Вместе с тем модус и модальность демонстрируют известную общность своих концептуальных объемов и функционального потенциала, что на уровне формальной реализации проявляется в возможности их полного или частичного пересечения, проявляющегося, соответственно, в моделях *наложения* и *включения*.

Источники примеров

1. І. Д. – Дода, І. Г. Словаўтваральныя ланцужкі дзеясловаў інтэлектуальнай дзейнасці ў беларускай мове / І. Г. Дода // Беларус. лінгвістыка. – 2003. – Вып. 53. – С. 78–84.
2. І. Н. – Навасельцава, І. І. Лексіка са значэннем колеру ў мове паэзіі Ніла Гілевіча / І. І. Навасельцава // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2006. – № 2. – С. 100–107.
3. Н. П. – Паляшчук, Н. В. Асноўныя пытанні старабеларускай фразеалогіі / Н. В. Паляшчук // Гуманіт.-экан. вестн. – 2006. – № 1 (33). – С. 109–115.
4. С. К. – Кавалёнак, С. К. Узаемасувязь значэнняў спосабаў дзеяслоўнага дзеяння са значэннямі пераходнасці і зваротнасці / С. К. Кавалёнак // Беларус. лінгвістыка. – 2006. – Вып. 58. – С. 103–111.
5. Т. Ш. – Шэмет, Т. Я. Мадэль і структурная схема ў сінтаксісе: да праблемы размежавання паняццяў / Т. Я. Шэмет // Беларус. лінгвістыка. – 2007. – Вып. 60. – С. 107–112.
6. Ю. М. – Маліцкі, Ю. В. Каранёвыя марфемы эмацыянальна-ацэнных дзеясловаў у гаворках усходняй Магілёўшчыны / Ю. В. Маліцкі // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2006. – № 3. – С. 111–116.
7. J. C. – Chai, J. Y. Discourse structure for context question answering / J. Y. Chai, R. Jin // *Discourse analysis to answering design questions* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://aclweb.org/anthology/W04-2504>. – Date of access: 11.02.2019.
8. J. R. – Joelle, R. Discourse markers: a challenge for natural language processing / R. Joelle // *AI Communications*. – 1997. – Vol. 10, № 3/4. – P. 177–184.
9. M. S. – Sonmez, M. J.-M. Oaths, exclamations and selected discourse markers in three genres / M. J.-M. Sonmez // *Europ. j. of Engl. studies*. – 2001. – Vol. 5, № 2. – P. 151–165.

Список использованных источников

1. Кобрин, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрин // *Вопр. когнитив. лингвистики*. – 2006. – № 2 (7). – С. 90–100.
2. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – Изд. 2-е, доп. – М.: URSS, 2009. – 213 с.
3. Краснова, Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2002. – 189 с.
4. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск: МДЛУ, 2001. – 205 с.
5. Ляпон, М. В. Модальность / М. В. Ляпон // *Лингвистический энциклопедический словарь* / М. В. Ляпон; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 303–304.
6. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // *Исследования по русской грамматике: избр. тр. / АН СССР, Отд-ние лит. и яз.* – М., 1975. – С. 53–87.

7. Адмони, В. Г. Исследования по общей теории грамматики / В. Г. Адмони. – М. : Наука, 1968. – 294 с.
8. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – 4-е изд. – М. : URSS, Либроком, 2009. – 350 с.
9. Демьянков, В. З. Логические аспекты семантического исследования предложения / В. З. Демьянков // Проблемы лингвистической семантики : реф. сб. / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1981. – С. 115–132.
10. Герасимов, В. И. Семантика предложения / В. И. Герасимов // Проблемы лингвистической семантики : реф. сб. / АН СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1981. – С. 59–82.
11. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
12. Рябцева, Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М., 1993. – С. 51–57.
13. Лебедева, Е. А. Модусные показатели англоязычного аналитического медиатекста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Лебедева ; Новгород. гос. ун-т им. Я. Мудрого. – Великий Новгород, 2013. – 25 с.
14. Куркович, Н. А. Модальные значения возможности и необходимости в английском и белорусском языках: функционально-стилистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. А. Куркович. – Минск, 2011. – 181 л.
15. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 896 с.
16. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. ин-та искусств и культуры, 2012. – 248 с.
17. Toumi, N. A model for the investigation of reflexive metadiscourse in research articles / N. Toumi // Language Studies Working Papers. – 2009. – Vol. 1. – P. 64–73.

References

1. Kobrina O. A. Categories of modus as ways of reflecting subjective attitude towards the utterance. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2 (7), pp. 90–100 (in Russian).
2. Zelenshchikov A. V. *Proposition and modality*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2009. 213 p. (in Russian).
3. Krasnova T. I. *Subjectivity – modality (materials of an active grammar)*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint Petersburg State University of Economics and Finance, 2002. 189 p. (in Russian).
4. Paulouskaya N. Yu. *The category of modality in modern Belarusian*. Minsk, Minsk State Linguistic University, 2001. 205 p. (in Belarusian).
5. Lyapon M. V. Modality. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990, pp. 303–304 (in Russian).
6. Vinogradov V. V. On the category of modality and modal words in the Russian language. *Issledovaniya po russkoi grammatike: izbrannye trudy* [Studies of the Russian grammar: selected works]. Moscow, 1975, pp. 53–87 (in Russian).
7. Admoni V. G. *The study of the general theory of grammar*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 294 p. (in Russian).
8. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2009. 350 p. (in Russian).
9. Dem'iankov V. Z. The logical aspects of the semantic study of the sentence. *Problemy lingvisticheskoi semantiki: referativnyi sbornik* [The problems of linguistic semantics: abstract collection]. Moscow, 1981, pp. 115–132 (in Russian).
10. Gerasimov V. I. The semantics of the sentence. *Problemy lingvisticheskoi semantiki: referativnyi sbornik* [The problems of linguistic semantics: abstract collection]. Moscow, 1981, pp. 59–82 (in Russian).
11. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. 3rd ed. Berne, A. Francke, 1950. 440 p. (in French).
12. Ryabtseva N. K. Mental modus: from lexis to grammar. *Logicheskii analiz yazyka. Mental'nye deistviya: sbornik nauchnykh statei* [The logical analysis of the language. Mental acts: collection of scientific articles]. Moscow, 1993, pp. 51–57 (in Russian).
13. Lebedeva E. A. *Modus indicators in an English analytical media text*. Abstract of Ph.D. diss. Velikii Novgorod, 2013. 25 p. (in Russian).
14. Kurkovich N. A. *The modal meanings of possibility and necessity in English and Belarusian: functional-semantic aspect*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2011. 181 p. (in Russian).
15. Arutyunova N. D. *The language and world of a human*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 896 p. (in Russian).
16. Kopytov O. N. *Modus in the text domain*. Khabarovsk, Publishing House of the Khabarovsk State Institute of Arts and Culture, 2012. 248 p. (in Russian).
17. Toumi N. A model for the investigation of reflexive metadiscourse in research articles. *Language Studies Working Papers*, 2009, vol. 1, pp. 64–73.

Информация об авторе

Зиневич Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nadzusha@gmail.com

Information about the author

Nadzeya V. Zinevich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: nadzusha@gmail.com